

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**ВЫЖЖЕННЫЙ
ПЛАЦДАРМ**

Москва 2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Выжженный плацдарм / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-100243-5

Февраль 2015 года. Период наиболее ожесточенных боев под Донецком и Луганском. Армия Украины нанесла внезапный удар по штабу объединенной группировки ополчения, захватила блокпост и прорвалась в глубь Донбасса на два десятка километров. Капитану Нестеренко, командиру штурмовой роты ополчения, приказано отбить у противника блокпост и тем самым замкнуть окружение украинских подразделений в «котле». Выполнить приказ удалось быстро и с минимальными потерями. Но рано было праздновать победу. С дьявольской одержимостью бойцы ВСУ принялись вырываться из окружения через горловину, которую как раз и удерживала рота Нестеренко...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100243-5

© Тамоников А.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

ГЛАВА 1

— Замри! — придушено прошептал Андрюха Фомин, и Олег Нестеренко застыл, прижавшись к облупленной стене бойлерной.

Ощущения были не самые жизнерадостные. К прочим неприятностям добавилась судорога в ноге. Она ползла по лодыжке и уже всерьез беспокоила.

— Чего ногой трясешь? — зашипел Фомин. — Не забывай, что мы проникли на секретный объект, и если нас засекут, то поставят к стенке. Замри, говорю, диверсант недоделанный!..

Они стояли неподвижно, сливаясь со стеной. Была тихая, безветренная ночь. Луну прикрыли перистые облачка, и ее свет поблек. По округе растекалось лишь бледное мерцание. Из полумрака выплывал голый кустарник, горы мусора, дырявая решетчатая ограда, за которой возвышался двухэтажный «секретный объект». В отличие от окрестных частных домов, в этом здании кое-где за шторами поблескивал свет. Городок Любавино,

расположенный на стыке двух беспокойных восточноукраинских областей, мирно спал.

«Как романтично, — подумал Олег. — Ночь, бойлерная, ограда. Два дня без обстрелов. Судьба нас просто балует».

В начале февраля было как-то нежарко, особенно ночью. Впрочем, зима в этом году на Украине выдалась странная. Снег поспешил растаять еще в январе и только в затененных местах кое-где оставался в виде черных горок. Температура круглосуточно держалась в районе ноля. Но все равно это было не лето, дули промозглые ветра, временами хлестал дождь, переходящий в мокрый снег.

Послышалось отрывистое покашливание. По дорожке вдоль ограды прошли двое часовых с автоматами. Оба помалкивали, видно, наговорились уже. По сторонам они тоже не смотрели, прошли в каком-то метре от «диверсантов», слившихся с бойлерной. И это правильно. Не стоит растрачивать бдительность по пустякам. Объект не столь уж и важный.

— Снимем лоботрясов? — прошептал Фомин, когда автоматчики удалились на безопасное расстояние.

Он как-то странно вздрагивал. Присмотревшись, Олег обнаружил, что товарищ давится смехом, насилу сдерживается. Нестеренко тоже ощутил какой-то спазм в горле.

ВЫЖЖЕННЫЙ ПЛАЦДАРМ

«Что я тут делаю? — подумал Олег. — Ладно, Андрюха Фомин — двинутый на всю башню, авантюрист, выпьет триста коньяка — и море по колено, а я-то куда? Не шалопай, серьезный человек, здравый смысл иногда проблескивает».

— Ладно, пусть живут, — отказался от затеи товарищ. — Стоим дальше, осуществляем негласное наблюдение.

Часовые повернули за угол и скрылись из вида.

— Пошли, — сказал Фомин и оторвался от стены.

— А без этого никак? — Олег в эту ночь был живым собранием сомнений и противоречий.

— Увы, дружище, обязательно к исполнению. Да ладно, это не самое страшное, в бою и похуже бывало.

Два темных силуэта выскользнули из-за угла, миновали ограду, живописно раскуроченную сентябрьским артобстрелом, и заспешили к заднему крыльцу. Их никто не засек. Районная больница, временно оборудованная под госпиталь, мирно спала. Дверь была открыта, Нестеренко и Фомин прошли в узкий неосвещенный тамбур.

Андрей чертыхался, пытаясь зажечь фонарь, в итоге отчаялся справиться с ним и заявил:

— Дьявол!.. Что ни делается, все в Китае.

Олег включил фонарик на сотовом телефоне. Заскрипела тяжелая дверь, из черного коридора

пахнуло карболовой кислотой и еще чем-то удушливым, непонятным и неприятным. Палаты с пациентами находились в соседнем крыле. Можно было представить, какие запахи гуляли там, в царстве осколочных и пулевых ранений, ампутированных конечностей и тому подобных пособий для студентов-медиков.

— Ребята, да у вас тут смертью пахнет, — пробормотал Фомин, зажимая нос. — Вперед, Олежка, счастье рядом, направо по коридору.

Они прокрались до угла, повернули. Справа простирался еще один коридор с экономным освещением и прочими атрибутами заштатной районной больницы. Кругом все спокойно.

В принципе оно и понятно. Несколько дней на фронте царит подозрительное затишье, нет ни раненых, ни убитых. По обе стороны от разграничительной линии наблюдается мышиная возня, враждующие стороны к чему-то готовятся.

У стола, утопленного в нишу, кто-то приглушенно бубнил. Заскрипел, отодвигаясь, стул, послышалось кряхтенье. Товарищи отступили в коридор, затаились в неосвещенной зоне. В нише что-то упало, женщина глухо ругнулась, скрипнул выдвижной ящик.

— Выходи, чудище рогатое! — утробно прошептал Фомин.

Олег прыснул, но успел зажать рот. Он сам на-

чинал заражаться этой бессмысленной авантюрой. Раз мы живы, то нервы можем шекотать не только на войне. Ладно, разберемся. Как говорится, вдвойне вкусней, если ночью и нельзя! И вообще, все фигня по сравнению с мировым Майданом!

Дежурная по крылу — неповоротливая плотная особа — покинула пост и, прихрамывая, двинулась по коридору. Слава богу, что в другую сторону! Шарканье затихло. Две тени устремились туда же, свернули в тупиковую ветвь коридора, проникли в помещение, в котором не горел свет. Фомин замкнул за собой задвижку.

И вот оно — тихое «семейное» счастье! Две дежурные медсестры изнывали от ожидания. Шторы были плотно задернуты, кушетки в разных углах для приличия застелены покрывалами. Девушки ничего, особенно блондинистая, со сногшибательным бюстом и шаловливым огоньком в зеленых глазах.

— А вот и мы! — радостно возвестил Фомин, выставляя на стол пакет. — Заждались, девчонки?

— Что там у тебя, Андрюша? — поинтересовалась смешливая брюнетка Олеся, украдкой окидывая взглядом спутника Фомина. — Как всегда — бутылка водки и пистолет?

Посетители были выпивши — в трезвом виде Нестеренко не подписался бы на такую авантю-

ру, — но в самую меру. Они смотрелись вполне достойно. Оба в ладном камуфляже, начищенных ботинках, с кобурами на поясах. Широкоплечий, плотный в кости Фомин, сияющий добродушной улыбкой. Жилистый, с молодцеватой офицерской выправкой Нестеренко. Оба молодые, чуть за тридцать, щеголи, настоящие гусары.

— Хороши мальчики! — с нескрываемым восхищением протянула блондинка Оксана.

Она лихорадочно переводила глаза с одного на другого и, похоже, пребывала в замешательстве: кого выбрать?!

— Мы такие. — Фомин улыбнулся. — Скромные, обаятельные, великолепные. Ну, что, девочки, будем глазками моргать? Накрывайте на стол, посидим, как говорится, отметим нашу чудесную встречу. — Он хлопнул по столу бутылкой дагестанского коньяка.

Девушки тут же зашипели, прижав пальцы к губам.

— Парни, не шуметь! Вы что?.. — заявила блондинка.

— Это ординаторская, врачей до утра не будет, если ничего не случится. Здесь хорошая звукоизоляция, но все равно не надо кричать. Если Марья Павловна узнает, что у нас гости, такое начнется!.. — проговорила брюнетка.

«Нужно выпить, — твердо решил Нестерен-

ко. — А то чего-то не хватает. Иначе не раскрепоститься».

Подобное поведение было не в его стиле, в отличие от однокашника по харьковскому училищу Фомина, известного ходока по бабам и выпивохи, разумеется, в свободное от службы время. Олег снимал комнату на улице Гагаринской, в двух шагах от части. Хозяйкой была симпатичная тридцатилетняя женщина Даша Воронцова — вдова, мать не по годам вдумчивого семилетнего Миньки. В последнее время в его отношениях с хозяйкой наметились кое-какие интересные подвижки.

Даша была женщиной застенчивой и деликатной, дров в топку не подбрасывала. Олег тоже не бежал впереди паровоза. Но что-то интересное все-таки происходило, когда они оставались вдвоем. Сегодня Даша дежурила в ночь, ребенка забрала соседка.

Нарисовался улыбчивый Фомин. Приятели оформили маленькую бутылочку коньяка. Служба терпела, на завтра обещался выходной. Хорошо сидели, из ниоткуда возникла вторая бутылка.

Друзья вспомнили училище, после которого Фомин уехал в Питер. Олег же перебрался в Донецк, где успешно женился и так же благополучно развелся. Он служил верой и правдой на благо украинского государства, но весной 2014 года это дело ему смертельно надоело. Он подал рапорт об

увольнении, дабы не чувствовать себя предателем, поправшим присягу.

К финалу заговорили о женщинах. Прошлись по Даше, убывшей на дежурство, по пассиям Фомина.

Вдруг Андрюха хлопнул себя по лбу, даже побледнел и заявил:

— Мама дорогая, Олег!.. Такие цыпочки в госпитале пропадают! Я же обещал Оксанке, что забегу! Все, приятель, собираемся, здесь недалеко. Поздравим девушек с грядущим двадцать третьим февраля, посидим. Зайдем по пути на склад, гостинцев сообразим. Только сразу тебя предупреждаю! — Андрюха сделал лицо отпетого заговорщика. — В Оксанку по уши влюблен лично начальник артиллерии объединенной группировки подполковник Стояк Виктор Викторович. Всячески обхаживает ее, навещает, подарки дарит, тащит в кровать. Девочке не очень нравится это внимание — даже фамилия его не особо вдохновляет, но приходится терпеть. Так что будем осторожны. Нам ведь ни к чему гнев вышестоящего начальства, верно? — Фомин заговорщицки подмигнул и продолжил: — А твоя Даша ни о чем не узнает. Мы ей не скажем. Это даже не измена, согласишься, приятель?

Относительная трезвость вернулась к Олегу

лишь на улице, но отступить было поздно. Дал согласие — теперь мучайся!

Девчонки попались смешливые и интересные. Пили и не особо пьянели. Ах, мужчины, вы такие обходительные, так красиво подкладываете закуску и подливаете коньяк! Их глаза откровенно смеялись, но компания военных была им абсолютно не в тягость.

Тему подполковника Стояка кавалеры решили не заострять. Дело тонкое. Стоит помянуть черта...

— Андрей, а вы откуда приехали? — спросила черненькая Олеся, а сама украдкой косила глаза на Олега.

Она все делала правильно, то невзначай поправляла сбившуюся прядь, то облизывала губы. А после третьей рюмки как бы не нарочно подвинулась по скрипучей кушетке поближе к Нестеренко, коснулась его плечом. Но он еще не дошел до той кондиции, чтобы отринуть угрызения совести, изгнать из головы лицо женщины, у которой снимал комнату.

— Местный я, Олеся, — небрежно ответил Фомин, а сам поедая глазами умопомрачительные выпуклости Оксаны, которые вдруг, как по щучьему велению, стали еще округлее, а взор ее обрел маслянистость. — Мы с Олешкой из Харькова, учились там, служили. Он в Украине остался, а я

уехал на заработки в Россию. Может, слышали про такой маленький портовый городок — Петербург?

Девчонки смеялись. Интеллект у них, возможно, был и не профессорский, но в географии они не плавали и с чувством юмора дружили. Болтали о какой-то ерунде, ели, пили. Олег не налегал, держался в форме, но чувствовал, что уже расслабляется, развязывается язык.

Девчонки говорили о себе. Они окончили медицинские училища — одна в Краснодоне Луганской области, другая в Сумах. Семьи их, слава богу, проживали не в зоне АТО, да и у самих была прекрасная возможность уехать в безопасные районы, но они отказались. Причину опустили. Черт возьми, сегодня не говорим о политике! Да кто-то ведь должен лечить раненых?

Оксана, изрядно захмелев, призналась, что пару лет назад была замужем, но потом у нее случился «выкидыш».

Тут она истерично засмеялась и пояснила:

— Выкинула мужа к чертовой матери, потому что спал с моей родной бесстыжей сестрой!

— Мужчины, а где вы сейчас служите? — спросила Олеся, начинавшая поглаживать Олега по сгибу локтя.

— В украинской разведке, Олеся, — доверительно сообщил Олег.

Медсестра похлопала глазами и засмеялась.

— Служим, Олеся, да еще как, — с сокрушенным видом признался Фомин. — Каждодневно в делах, заботах скорбных. Изнуряем себя постами, молитвами...

— Длительными оргиями, — закончила Оксана.

Все рассмеялись, после чего со страхом уставились друг на друга и приложили пальцы к губам. Но все было тихо, дежурная не беспокоила честную компанию.

— Глуховата Марья Павловна, — объяснила Олеся. — Да и спать очень любит.

Дружеское застолье продолжалось. Оксана уже уселась на колени Фомину, призывно смотрела ему в глаза.

Олеся прижалась к Олегу, и он почувствовал, как от девушки пахнет лекарствами.

Нестеренко деликатно отстранился и пробормотал:

— Прошу прощения, пойду-ка носик попудрю.

— Ага, внеси свежую струю, — заявил Фомин.

Санузел находился здесь же. Когда Олег вернулся, Андрюха рассказывал злободневный анекдот про «Правый сектор», девчонки заливались смехом.

Нестеренко решил не нарушать их идиллию, отошел к окну, выходящему в заброшенный сад, открыл форточку, закурил. Свежий воздух остудил мозги. Он с жадностью втягивал дым, прислу-